

АРКТИКА: ИГРА НА ЛЬДУ

Константин Петрович Лаптев

Константин Лаптин

Арктика: игра на льду

«Автор»

2026

Лаптин К. П.

Арктика: игра на льду / К. П. Лаптин — «Автор», 2026

Арктика — последний рубеж, где природа и геополитика схлестнулись в открытую. Лёд тает, обнажая ресурсы, маршруты и амбиции. Крупнейшие державы перекраивают карты, спорят за шельф, строят ледоколы и возвращают Север в повестку первых лиц. Эта книга — не академический трактат. Это честный разговор о том, кто, как и зачем делит Арктику сегодня, в 2025–2026 годах. Арктический совет, Севморпуть, гонка ледоколов, борьба за Гренландию, редкоземельные металлы и подводные хребты — через факты, документы и свежие данные, а не штампы. Автор — с позиций российского эксперта, но без пропаганды: с опорой на официальные документы всех ключевых стран, от Стратегии АЗРФ до Arctic Strategy США. Для всех, кто хочет понимать, куда движется самый быстро меняющийся регион планеты.

© Лаптин К. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение. Почему я пишу эту книгу	5
Глава 1. Арктика не там, где холодно	7
Регион, у которого нет границ	8
Тающий сейф: что лежит под льдом	9
Лёд отступает — но не по прямой	10
Кто и как делит океан: правила игры простым языком	11
Битва карт: четверть века за хребет Ломоносова	12
Что изменилось: 2020 → 2026	13
Выводы	14
Глава 2. Клуб избранных: как устроен Арктический совет	15
От Мурманска до Оттавы: рождение клуба	16
Три круга и шесть моторов: анатомия Совета	17
Фабрика знания, а не права: что клуб сделал за тридцать лет	18
Кейс: АМАР, термометр планеты	19
Айсберг после столкновения: клуб накануне юбилея	20
Что изменилось: 2020 → 2026	21
Выводы	22
Глава 3. Восьмёрка: у каждой страны свой интерес	23
Россия: половина Арктики и вся ставка	24
США: сверхдержава в роли догоняющего	25
Канада: суверенитет и неожиданный страх	26
Норвегия и Дания: на передовой и на распутье	27
Финляндия, Швеция, Исландия: конец «малых» игроков	28
Что изменилось: 2020 → 2026	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Константин Лаптин

Арктика: игра на льду

Введение. Почему я пишу эту книгу

Начну с признания, которое автору арктической книги делать не положено: я ни разу не был в Арктике. Не зимовал на полярной станции, не стоял на палубе ледокола, не пил чай в чуме и не видел белого медведя нигде, кроме зоопарка и спутниковых снимков. Самая северная точка моей биографии — Петербург в январе, что, согласитесь, не считается. Обычно такие вещи прячут на последнюю страницу, в раздел благодарностей, мелким шрифтом. Я ставлю это в первую строку — потому что это признание и есть метод книги, которую вы держите в руках.

Астрономы не стояли на звёздах. Палеонтологи не видели живого динозавра. И тем не менее мы знаем о звёздах и динозаврах поразительно много — потому что существует особый способ любить предмет: любить его как предмет изучения. Моя Арктика сделана из бумаги и цифр: из указов и деклараций, спутниковых рядов и грузовой статистики, стенограмм министерских сессий и сносков в научных журналах. И я берусь утверждать — а вся эта книга будет доказательством, — что из бумаги и цифр складывается картина, которой не разглядеть с борта ледокола: с палубы видно льды, из библиотеки видно игру.

Как я в это ввязался? Отчасти виновата фамилия. Когда твоя фамилия — Лаптев, а на карте России есть целое море Лаптевых, у тебя с детства складываются особые отношения с географией: одноклассники шутили, что море назвали в мою честь, я делал вид, что раздражаюсь, а сам втайне гордился. Но всерьёз всё началось банальнее — на семинаре по международным организациям, где мне досталась тема, которую никто не хотел брать: Арктический совет. Я готовил доклад с тоской человека, вытянувшего худший билет, — и на третьем часу чтения понял, что не могу оторваться. Передо мной был институт-парадокс: форум без устава, без бюджета и без права принимать решения, который при этом изменил мировое морское право, посадил за один стол государства и коренные народы и тридцать лет держал вместе страны, глядящие друг на друга через прицелы. Это было похоже на фокус, у которого хочется разгадать механику.

Разгадывание затянулось на годы и превратилось в магистерскую диссертацию о трансформации Арктического совета. Судьба распорядилась так, что писал я её в самое интересное и самое неудобное для исследователя время: объект исследования менялся быстрее, чем я успевал описывать его состояние. Я сдавал главу о «самом устойчивом региональном институте современности» — а через месяц семь стран приостанавливали в нём участие. Я анализировал паралич — а рабочие группы начинали оттаивать. Мой научный руководитель как-то заметил, что у меня не диссертация, а прямой эфир. Он был прав больше, чем думал: за пять лет, с 2020 по 2026 год, Арктика прожила эпоху — вернулась из ведомственных стратегий в повестку первых лиц, обзавелась первым в истории регулярным контейнерным маршрутом, первым за десятилетия открытым территориальным спором внутри западного альянса и первым в своей истории парализованным, но живым главным институтом.

Эта книга выросла из простого наблюдения: эпоху прожили — а карты её нет. На русском языке существуют десятки отличных статей, докладов и экспертных записок о разных кусках арктической мозаики: о Севморпути отдельно, о Гренландии отдельно, об Арктическом совете отдельно. Но читателю, который хочет увидеть картину целиком — как связаны тающий лёд и цена тушёнки в Певеке, китайские контейнеровозы и поправка в указ президента, выборы в Дании и кресло председателя арктической дипломатии, — приходится собирать её самому из сотни источников. Я проделал эту работу за него. Не потому, что знаю больше других, а

потому, что несколько лет занимался ровно этим: собиранием арктической мозаики в цельное изображение.

Несколько слов о том, как устроена книга и каким правилам она подчиняется. Глав десять, и выстроены они по принципу расширяющейся спирали: сначала сцена и правила игры (география, право, лёд), затем главный институт и игроки (Совет, восьмёрка, люди Севера), затем горячие сюжеты пятилетия (Гренландия, южные гости, Севморпуть) и, наконец, драма института и её развязки (кризис, новое состояние, сценарии будущего). Каждую главу завершает раздел «Что изменилось: 2020 → 2026» — сверка часов между миром пятилетней давности и сегодняшним; из этих десяти сверок, поставленных рядом, складывается, возможно, главная ценность книги. И через все главы проходит один приём, который я честно позаимствовал у самой арктической политики: вопрос «чи цифры брать?». Читатель быстро убедится, что в Арктике почти любая цифра — от площади льда до тонн груза — существует минимум в двух версиях, и выбор версии всегда о чём-то говорит. Эта книга не будет выбирать за вас; она будет показывать обе версии и объяснять, кому и зачем нужна каждая.

Отсюда — правила честности, которых я держался. Первое: каждая цифра, каждое событие и каждая цитата в книге имеют источник, указанный прямо в тексте; списки источников приведены после каждой главы. Второе: там, где данные противоречивы, приводятся обе позиции — российская и западная, официальная и скептическая. Третье: там, где твёрдых данных нет, а вывод напрашивается, я так и пишу — «оценочное суждение автора»; читатель вправе с ним не согласиться, но не вправе быть введённым в заблуждение. Четвёртое: эта книга писана для российского читателя и смотрит на Арктику преимущественно российскими глазами — но смотреть глазами не значит смотреть в шорах: позиция России здесь объясняется, а не восхваляется, позиции её оппонентов излагаются в их сильнейшей, а не карикатурной форме. Пятое, последнее и личное: в основных главах я исчезаю — там не будет никакого «я», только факты, игроки и логика; введение — единственное место, где автору позволено побыть человеком.

И последнее, перед тем как поднять занавес. Меня иногда спрашивают — те немногие, кто знал о работе над книгой, — не обидно ли писать об Арктике, ни разу её не увидев. Отвечу здесь раз и навсегда: нет. Обидно было бы наоборот — увидеть и не понять. Арктика щедра на красоту к путешественникам, но свою механику она показывает только тем, кто готов читать документы со скоростью, с которой другие листают ленту. Пять лет я читал. Теперь — ваша очередь, и я постарался, чтобы вам было интереснее, чем мне на том семинаре. Добро пожаловать на лёд. Смотрите под ноги: он тоньше, чем кажется, и именно поэтому на нём сейчас разворачивается самая захватывающая партия мировой политики.

Глава 1. Арктика не там, где холодно

22 марта 2025 года спутники зафиксировали событие, которое не попало в вечерние новости, но которое историки, возможно, будут вспоминать чаще, чем иные саммиты. Зимний ледяной покров Северного Ледовитого океана достиг своего годового максимума — 14,33 миллиона квадратных километров. Это самый низкий зимний максимум за все 47 лет спутниковых наблюдений (NSIDC, 2025). Проще говоря: никогда за время, что человечество смотрит на Арктику из космоса, северная «крышка» планеты не была зимой такой маленькой.

А за девять дней до этого, 13 марта, в Вашингтоне президент США Дональд Трамп, принимая генерального секретаря НАТО, между рассуждениями о Канаде и Гренландии обронил фразу о заказе 48 ледоколов (GoArctic, 2025). Для страны, у которой на тот момент в строю оставался один тяжёлый ледокол 1976 года постройки, это звучало почти фантастически. Но сама цифра — не главное. Главное — что о ледоколах вообще заговорил президент Соединённых Штатов, и заговорил в логике гонки: у России их около сорока, «а у нас один большой» (Lenta.ru, 2025).

Эти два события марта 2025 года — тающий рекордный лёд и президентская арифметика ледоколов — и есть сжатая формула того, что происходит с Арктикой. Природа убирает барьер, который тысячелетиями делал Север недоступным. А государства торопятся занять место в очереди к тому, что за этим барьером скрывалось. Чтобы понять правила этой игры, начнём с вопроса, который кажется наивным только на первый взгляд: а где, собственно, Арктика?

Регион, у которого нет границ

У любой страны есть граница, у любого моря — берег. У Арктики нет ни того, ни другого — в том смысле, что единого, всеми признанного определения региона не существует. Географы предлагают минимум три варианта. Можно считать Арктикой всё, что севернее Северного полярного круга ($66^{\circ}33'$ с.ш.) — линии, за которой солнце хотя бы раз в году не заходит и хотя бы раз не восходит. Можно провести границу по июльской изотерме $+10^{\circ}\text{C}$ — там, где даже в разгар лета воздух не прогревается выше этой отметки, заканчиваются леса и начинается тундра. А можно — по южной кромке распространения вечной мерзлоты.

Три определения дают три разные Арктики, отличающиеся по площади на миллионы квадратных километров. И в этой неопределённости — первый ключ к пониманию арктической политики: каждое государство рисует границы Арктики так, как выгодно ему. Россия закрепила состав своей Арктической зоны (АЗРФ) специальным указом — и с тех пор неоднократно расширяла его, включая новые районы Карелии, Коми, Красноярского края: быть «арктическим» муниципалитетом выгодно, это налоговые льготы и федеральные программы (Стратегия развития АЗРФ до 2035 г., указ Президента РФ № 645, 2020). США официально считают своей Арктикой Аляску и прилегающие моря. Канада оперирует понятием «Север», которое тянется далеко на юг от полярного круга.

Есть и ещё одна странность: арктических государств — восемь (Россия, США, Канада, Дания, Норвегия, Исландия, Швеция, Финляндия), но лишь пять из них имеют выход к Северному Ледовитому океану. Эта «прибрежная пятёрка» в 2008 году в гренландском Илулиссате подписала декларацию, в которой прямо заявила: судьбу Арктического океана решаем мы, на основе действующего морского права, и никакого специального «арктического договора» по образцу Антарктики не нужно (Илулиссатская декларация, 2008). Швеция, Финляндия и Исландия тогда обиделись — их не позвали. Так внутри арктического клуба появился клуб ещё более узкий. Запомним этот принцип матрёшки: он будет возникать в книге снова и снова.

И последнее. Граница Арктики — единственная граница в мире, которая движется сама, без войн и договоров. Изотерма $+10^{\circ}\text{C}$ ползёт на север вместе с потеплением, зона мерзлоты сжимается. Регион, за который идёт борьба, буквально меняет очертания во время игры. Представьте шахматную партию, в которой доска тает с одного края и нарастает с другого, — это и есть Арктика XXI века.

Тающий сейф: что лежит под льдом

Зачем вообще бороться за пространство, где полгода ночь, температура падает ниже минус пятидесяти, а ближайший порт может находиться в тысяче километров? Ответ традиционно начинают с цифр Геологической службы США: по её оценке, за полярным кругом может залегать около 13% мировых неразведанных запасов нефти и до 30% — природного газа (USGS, Circum-Arctic Resource Appraisal, 2008). Эти проценты кочуют из статьи в статью почти двадцать лет, и стоит честно оговориться: это оценка 2008 года, вероятностная и неразведанная — то есть речь о ресурсах, которые ещё никто не подтвердил бурением. Показательно, что за два десятилетия никто так и не взялся пересчитать арктический «сейф» целиком: цифра устраивает всех, потому что каждый читает её в свою пользу — инвесторы видят в ней потенциал, политики — аргумент, скептики — миф. Сама живучесть этой оценки говорит об Арктике больше, чем её точность.

Но даже с этой оговоркой ставки огромны, и распределены они неравномерно. Большая часть перспективных углеводородов приходится на шельф — мелководное подводное продолжение материков, и львиная доля этого шельфа — российская. Не случайно Владимир Путин формулирует прямо: Арктика будет «прирастать» за счёт минеральных ресурсов, несмотря на сложность и дороговизну их разработки (Коммерсантъ, 2026).

При этом сама структура «арктического сейфа» за пять лет заметно изменилась. В 2020 году разговор о ресурсах Арктики — это почти всегда разговор о нефти и газе. К 2025–2026 годам в центре внимания оказались редкоземельные металлы — сырьё для электроники, ветряков, аккумуляторов и высокоточного оружия. Именно редкоземы Гренландии стали одним из главных публичных аргументов Вашингтона в споре за остров: по оценкам, контроль над Гренландией позволил бы США почти удвоить собственные запасы редкоземельных металлов (Lenta.ru, 2025; Atlantic Council, 2025). Никель, уран, серебро, графит — арктическая ресурсная повестка стремительно «зеленеет» и «цифровеет», и в этом один из парадоксов эпохи: энергопереход, задуманный ради спасения климата, разогревает борьбу за регион, который от изменения климата страдает сильнее всех.

Третий этаж сейфа — биоресурсы. Рыба и краб мигрируют вслед за теплеющей водой на север, промысловые районы смещаются, и уже действует превентивное соглашение о запрете нерегулируемого рыболовства в центральной части Северного Ледовитого океана — редкий случай, когда государства договорились о правилах до начала промысла, а не после истощения запасов.

И четвёртый, самый недооценённый актив — само пространство. Кратчайшие маршруты между Азией, Европой и Северной Америкой — и морские, и воздушные, и траектории баллистических ракет — проходят через Арктику. Об этом подробно поговорим в главах о Севморпути и милитаризации; здесь важно зафиксировать сам принцип: Арктика ценна не только тем, что в ней лежит, но и тем, что через неё проходит.

Лёд отступает — но не по прямой

Всё вышеописанное оставалось бы геологической абстракцией, если бы не климат. Лёд — главный «замок» арктического сейфа, и замок этот ломается. Но вот что важно понимать российскому читателю, которого с равным напором атакуют и алармистскими, и скептическими трактовками: лёд тает не по прямой, и обе стороны климатического спора пользуются этим.

Смотрите сами. Сентябрьский минимум 2025 года — 4,60 млн км² — лишь десятый самый низкий результат за историю наблюдений; абсолютный рекорд 2012 года (менее 3,5 млн км²) не побит уже тринадцать лет (NSIDC, 2025). Более того, учёные признают: за последние два десятилетия статистически значимого тренда снижения именно сентябрьских минимумов нет, и причины этого «плато» — предмет живой научной дискуссии (NSIDC, 2025; England et al., *Geophysical Research Letters*, 2025). Скептик остановится здесь и скажет: паника отменяется.

Но та же статистика читается и иначе. Все 19 самых низких минимумов зафиксированы в последние 19 лет подряд. Долгосрочный тренд с 1979 года — минус 12,1% площади за десятилетие: ежегодно Арктика теряет в среднем около 74 тысяч км² льда, площадь Австрии (NSIDC, 2025). Зимний максимум 2025 года, как мы видели, — рекордно низкий, а по данным доклада NOAA Arctic Report Card, лёд стал моложе и тоньше: многолетние поля, которые раньше переживали десятки сезонов, сменяются однолетним льдом, который ломается и тает несравнимо легче (NOAA Arctic Report Card, 2025). Алармист остановится здесь.

Вывод, которого не найти в сводках ни тех, ни других: выбор точки на графике — сам по себе политический акт. Когда Росатом обосновывает круглогодичную навигацию, он ссылается на истончение льда. Когда западные аналитики требуют срочных ледокольных программ, они показывают рекордный максимум-2025. Когда климатические скептики призывают не спешить с «зелёными» тратами, они демонстрируют плато сентябрьских минимумов. Все трое используют одни и те же спутниковые данные. Лёд один — Арктик много.

И здесь уместна история, которая в 2025 году прошла почти незамеченной, а зря. Почти полвека главным источником данных о морском льде были американские военные метеоспутники программы DMSP. Весной 2025 года учёные Национального центра данных по снегу и льду США стали замечать пробелы в картах, а летом Пентагон объявил, что прекращает передачу этих данных вовсе, сославшись на риски кибербезопасности устаревших систем; с 31 июля 2025 года поток закрылся, и американским гляциологам пришлось в авральном режиме переходить на японский спутниковый инструмент AMSR2 (Mongabay, 2025; NSIDC, 2025). Впервые за 38 лет итоговая оценка арктического льда сделана США на основе иностранных данных. Деталь кажется технической, но она символична: секьюритизация Арктики добралась уже и до термометра. Даже измерение льда перестало быть нейтральной территорией.

Кто и как делит океан: правила игры простым языком

Теперь о юридической доске, на которой расставлены фигуры. Вопреки популярному образу «ничейной Арктики, которую вот-вот захватят», Северный Ледовитый океан — одно из самых зарегулированных пространств планеты. Правила задаёт Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS) — своего рода конституция Мирового океана, которую ратифицировали почти все государства мира. Почти — важное слово, и мы к нему вернёмся.

Схема, если убрать латынь и сноски, проста. От берега отсчитываются 12 морских миль территориального моря — это фактически территория государства. Дальше, до 200 миль, тянется исключительная экономическая зона (ИЭЗ): вода здесь международная, плавать может кто угодно, но рыба, нефть и газ принадлежат прибрежному государству (UNCLOS, ст. 57). А вот дальше начинается самое интересное — континентальный шельф. Если страна докажет, что морское дно за пределами 200 миль является естественным продолжением её материка, она получает права на ресурсы этого дна — не на воду над ним, а именно на дно и недра (UNCLOS, ст. 76). Судьей выступает Комиссия ООН по границам континентального шельфа (CLCS) — орган из геологов и геофизиков, который рассматривает научные досье государств и выносит рекомендации.

Для Арктики в конвенции есть и особая норма — статья 234, дающая прибрежным государствам право вводить усиленные экологические правила судоходства в покрытых льдом районах своей ИЭЗ. Именно на неё опирается Россия, регулируя проход судов по Севморпути, и Канада — в своих арктических проливах (UNCLOS, ст. 234). Норма писалась в 1970-е под канадский запрос, а стала одним из юридических столпов российского контроля над СМП — ирония, которую в Оттаве предпочитают не вспоминать.

Наконец, штрих, о котором редко пишут: для России переход на конвенционную логику был жертвой. СССР с 1926 года придерживался секторального принципа — всё пространство треугольником от побережья до полюса считалось зоной полярных владений. Приняв правила UNCLOS (конвенция вступила в силу для России в 1997 году), страна юридически «отказалась» примерно от 1,6 млн квадратных километров по сравнению с советским сектором (Интерфакс, 2024). Дальнейшая шельфовая эпопея — это, по сути, четвертьвековая попытка вернуть научными аргументами часть того, что было уступлено аргументами правовыми.

Битва карт: четверть века за хребет Ломоносова

Российская заявка на расширение арктического шельфа — самый длинный юридический сериал в истории региона, и его развязка пришлась именно на 2023–2026 годы, хотя массовый читатель этого почти не заметил.

Коротко хронология. Первую заявку Россия подала ещё в 2001 году — первой в мире; в 2002-м Комиссия вернула её на доработку, сочтя карты недостаточно детальными. Затем — полтора десятилетия экспедиций: ледоколы, глубоководные аппараты, тысячи километров сейсмических профилей и знаменитый титановый флаг на дне у полюса в 2007 году, вызвавший в Канаде и Дании почти истерическую реакцию. В 2015-м подано пересмотренное представление: почти 1,2 млн км² внутри треугольника Мурманск — Северный полюс — Чукотка, с потенциальными ресурсами порядка 5 млрд тонн условного топлива (ТАСС, 2015; Вести, 2026).

Развязка наступила тихо. В 2023 году Комиссия ООН приняла рекомендации, признав хребет Ломоносова, поднятие Менделеева—Альфа и котловину Подводников естественным продолжением российского континентального шельфа; отклонён оказался лишь участок около 300 тысяч км² в районе хребта Гаккеля, по которому Россия подала уточнённые материалы (Вести, 2026). К лету 2026 года директор правового департамента МИД РФ Максим Мусихин констатировал: «Большая часть нашей заявки утверждена» (РИА Новости / Коммерсантъ, 2026). Рекомендации Комиссии обязательны для других участников конвенции. Иными словами: Россия выиграла крупнейший территориальный (точнее — ресурсный) спор XXI века, не сделав ни единого выстрела — экспедициями, керном и папками документов.

Оговорки, без которых картина будет нечестной. Первая: рекомендации CLCS не решают вопрос пересечений — на хребет Ломоносова, включая район полюса, претендуют также Дания (через Гренландию) и Канада, и делить пересекающиеся участки странам предстоит между собой, в переговорах, к которым в нынешней политической обстановке никто не готов. Комиссия — геологический арбитр, а не политический. Вторая оговорка интереснее.

В декабре 2023 года США — страна, так и не ратифицировавшая UNCLOS, — в одностороннем порядке объявили о расширении своего континентального шельфа сразу в семи районах Мирового океана, включая Арктику и Берингово море, в общей сложности на миллион квадратных километров (Коммерсантъ, 2026; Российская газета, 2024). Без заявки, без Комиссии, без рекомендаций — просто опубликовав координаты. Россия и Китай заявили протест: односторонние действия подрывают целостность конвенции.

Здесь скрыт парадокс, который стоит проговорить медленно, потому что он переворачивает привычную оптику. В западном дискурсе Россия описывается как ревизионистская держава, ломающая порядок, основанный на правилах. Но в главном юридическом сюжете Арктики роли распределились ровно наоборот: Россия четверть века дисциплинированно играет по процедуре UNCLOS — подаёт заявки, терпит отказы, собирает доказательства, ждёт рекомендаций, — а Соединённые Штаты действуют вне конвенции и поверх процедуры. Норвегия, кстати, прошла путь по правилам первой ещё в 2009 году, присоединив 238 тысяч км² шельфа (Арктик-фонд, б.г.). Арктическое морское право — редкая площадка, где Москве выгодно быть максимальным легалистом, и она этой выгодой пользуется. Запомним и это: в Арктике интересы определяют отношение к правилам, а не наоборот.

Что изменилось: 2020 → 2026

Такой раздел будет завершать каждую главу книги — короткая сверка часов: как выглядела тема пять лет назад и как выглядит сейчас.

Лёд. В 2020 году казалось, что каждый следующий год будет бить рекорды таяния. Реальность оказалась сложнее: летние минимумы вышли на «плато» (рекорд-2012 не побит), зато зимний максимум-2025 стал самым низким в истории наблюдений, а лёд продолжил утончаться и молодеть (NSIDC, 2025; NOAA, 2025). Спор сместился с вопроса «таят ли лёд» на вопрос «чью кривую таяния брать за основу решений».

Право. В 2020-м шельфовые заявки выглядели главным потенциальным конфликтом Арктики — журналисты пугали «битвой за полюс». К 2026-му этот сюжет по большей части юридически разрешён: российская заявка в основном одобрена, и дно океана оказалось поделено скучнее и мирнее, чем предсказывали. Конфликт переместился со дна на поверхность — в судоходство, военное присутствие и контроль над маршрутами. За дно боролись геологи, за поверхность борются флоты.

Ресурсы. Углеводородная повестка 2020 года дополнилась редкоземельной: борьба за Гренландию, о которой пойдёт речь в четвёртой главе, ведётся уже в логике сырья для энергоперехода и высоких технологий.

Политический статус региона. В 2020 году Арктика оставалась периферией мировой политики, предметом ведомственных стратегий. К 2025–2026 годам она вернулась в повестку первых лиц: президент США публично считает ледоколы и назначает спецпосланника по Гренландии (НЕСМИ, 2025), а первая за годы встреча президентов России и США проходит 15 августа 2025 года именно в Арктике — на базе Эльмендорф—Ричардсон на Аляске, и арктическое сотрудничество фигурирует среди тем переговоров (GoArctic, 2025). Символичнее не придумаешь: когда двум сверхдержавам понадобилось место для разговора, они выбрали Север.

Выводы

Арктика — регион без согласованных границ, и эта размытость не слабость, а инструмент: каждое государство определяет «свою» Арктику под собственные задачи. Ценность региона трёхслойна — то, что в нём лежит (углеводороды, редкоземы, биоресурсы), то, что через него проходит (морские и воздушные маршруты), и то, чем он является (стратегическая позиция между тремя континентами). Ключ к этому сейфу — лёд — действительно исчезает, но нелинейно, и сама интерпретация ледовых данных стала политическим оружием, вплоть до отключения Пентагоном полувекового потока спутниковых данных в 2025 году. Юридически океан делится не силой, а процедурами UNCLOS, и в этой процедуре Россия за четверть века добилась признания большей части своей шельфовой заявки — тогда как США расширили свой шельф в обход конвенции, которую не ратифицировали. Главный сдвиг пятилетия: спор о дне океана в основном закрыт, борьба переместилась на его поверхность — и именно там, на маршрутах, базах и проливах, развернутся сюжеты следующих глав.

Глава 2. Клуб избранных: как устроен Арктический совет

19 сентября 2026 года Арктическому совету исполнится тридцать лет. Юбилей международных организаций редко бывают интересными: протокольные речи, памятные марки, коллективная фотография министров. Но этот юбилей — особый случай. Впервые за три десятилетия никто не может уверенно сказать, соберётся ли «арктическая восьмёрка» за одним столом, чтобы его отметить. Институт, который четверть века называли образцом регионального сотрудничества и «территорией диалога», подходит к круглой дате в странном состоянии: он не распался, но и не работает в полную силу; Россия из него не вышла, но и не участвует в его политической жизни; проекты продолжают, но министры не встречались с 2022 года.

Чтобы понять, что именно в этой конструкции сломалось — и что, вопреки всем прогнозам, выжило, — нужно разобраться, как клуб был устроен изначально. История Арктического совета — это история о том, как из финской экологической инициативы и канадской дипломатической настойчивости вырос самый необычный международный институт современности: форум без устава, без бюджета и без права принимать обязательные решения, который тем не менее изменил мировое морское право и впервые в истории посадил за один стол государства и коренные народы. И одновременно это история о том, как сильные стороны института обернулись его уязвимостями — но об этом подробно поговорим в седьмой главе. Пока же — анатомия клуба в его лучшие годы.

От Мурманска до Оттавы: рождение клуба

Отсчёт арктического сотрудничества принято вести не с Оттавы, а с Мурманска. 1 октября 1987 года Михаил Горбачёв, выступая в городе-герое по случаю вручения ему ордена Ленина, предложил превратить Арктику в «зону мира» и развивать в ней международное сотрудничество — от ограничения военной активности до совместных экологических программ (Мурманская речь М. С. Горбачёва, 1987). Для региона, где по дну океана ходили ракетноносцы двух сверхдержав, а по кромке льдов проходила линия наибольшего сближения СССР и США, это звучало революционно. Первой на призыв откликнулась Финляндия: в 1989 году в Рованиеми она собрала восемь арктических государств для обсуждения охраны окружающей среды, а в 1991 году там же была принята Стратегия защиты окружающей среды Арктики — AEPS (Арктический совет, официальный сайт; Википедия: Арктический совет).

Стратегия оказалась работоспособной, но быстро выявила потолок: экологическим программам не хватало постоянной политической рамки. Идею преобразовать процесс в постоянный форум настойчивее всех продвигала Канада — страна, для которой Север составляет 40 процентов территории и заметную часть национальной идентичности. Результатом стала Оттавская декларация, подписанная 19 сентября 1996 года восемью государствами: Россией, США, Канадой, Данией, Норвегией, Исландией, Швецией и Финляндией (Оттавская декларация, 1996). Так возник Арктический совет — и уже в момент рождения в его конструкцию были заложены три принципиальных решения, определившие всю дальнейшую траекторию.

Первое: Совет учреждён не договором, а декларацией. У него нет устава, нет обязательного членства, нет собственного программного бюджета — каждый проект финансируют заинтересованные государства добровольно (Арктический совет, официальный сайт). Второе: решения принимаются только консенсусом, то есть любая из восьми стран обладает фактическим правом вето. Третье: военная тематика исключена из мандата полностью — соответствующая оговорка внесена в декларацию по настоянию США, не желавших связывать себе руки в стратегическом регионе (Оттавская декларация, 1996, сноска к ст. 1).

Стоит увидеть в этих решениях не юридическую случайность, а отпечаток эпохи. Совет — дитя короткого исторического окна между 1987 и 1996 годами, когда старая конфронтация уже закончилась, а новая ещё не началась. Он унаследовал главный ген этого времени — веру в то, что Арктику можно отгородить от большой политики и заниматься в ней «неполитическими» вопросами: экологией, наукой, устойчивым развитием. Позднее исследователи назовут эту веру «арктической исключительностью». Четверть века она подтверждалась практикой: Совет пережил и 2008-й, и 2014 год почти без потерь. Проверку 2022 годом ген исключительности, забегаая вперёд, не прошёл — но сам институт, как ни парадоксально, выжил во многом благодаря другим решениям 1996 года. Каким — станет ясно из его устройства.

Три круга и шесть моторов: анатомия Совета

Устройство Арктического совета удобно представить как три концентрических круга. Внутренний круг — восемь арктических государств, полноправных членов, принимающих решения консенсусом. Председательство ротируется каждые два года; первой была Канада (1996–1998), Россия председательствовала дважды — в 2004–2006 и 2021–2023 годах (Арктический совет, официальный сайт). С 2013 года у Совета есть постоянный секретариат в норвежском Тромсё — до этого «офис» переезжал вслед за председателем.

Второй круг — уникальный, не имеющий аналогов ни в одной межправительственной структуре мира. Это шесть организаций коренных народов со статусом «постоянных участников»: Циркумполярный совет инуитов, Совет саамов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (АКМНС/RAIPON), Международная ассоциация алеутов, Арктический совет атабасков и Международный совет гвичинов. Они не голосуют, но обладают правом «полной консультации»: сидят за тем же столом, что и министры, выступают в том же порядке, и ни одно решение на практике не принимается против их консолидированной позиции (Arctic Council Quick Guide, 2020). Арктический совет стал первым межправительственным институтом, где народы, разделённые государственными границами, получили постоянное место в межгосударственном диалоге — для саамов, живущих в четырёх странах, или инуитов, расселённых от Чукотки до Гренландии, это имело не символическое, а практическое значение.

Третий круг — очередь у дверей клуба: наблюдатели. К середине 2020-х годов этот статус имели тринадцать неарктических государств (среди них Китай — с 2013 года, Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Германия, Франция), а также межправительственные организации и НКО (Арктический совет: наблюдатели). Наблюдатели не участвуют в принятии решений и допускаются к работе в основном на уровне проектов — о том, зачем им это нужно и почему очередь только растёт, пойдёт речь в пятой главе.

Но подлинные моторы Совета скрыты ниже уровня политической видимости — это шесть постоянных рабочих групп. АМАР отвечает за мониторинг и оценку состояния климата и загрязнений; CAFF — за сохранение арктической флоры и фауны; PAME — за защиту морской среды; EPPR — за предупреждение и реагирование на чрезвычайные ситуации; SDWG — за устойчивое социально-экономическое развитие; АСАР — за практическое снижение загрязнений (Минтранс России: Арктический совет). В каждой группе — национальные делегации всех восьми стран, эксперты постоянных участников и наблюдателей: сотни учёных и чиновников, работающих в непрерывном режиме между министерскими сессиями.

Отсюда — главная метафора, которая понадобится нам до конца книги. Арктический совет устроен как айсберг. Надводная часть — министерские встречи, декларации, церемониальный молоток председателя, протокольные фотографии — составляет, как и положено айсбергу, процентов десять. Остальные девяносто — подводная часть: рутинная, невидимая публике работа шести групп, обмен данными, совместные экспедиции, доклады. Когда в 2022 году институт столкнулся с политическим кризисом, замёрзла именно надводная часть. Подводная, как мы увидим, повела себя иначе.

Фабрика знания, а не права: что клуб сделал за тридцать лет

Скептик вправе спросить: что может «сделать» форум, не имеющий права принимать обязательные решения? Формально — ничего: за тридцать лет Арктический совет не принял от собственного имени ни одного юридически обязывающего акта. Фактически же его продукция изменила и мировое право, и мировое представление об Арктике. Просто продукция эта — не нормы, а знание, которое затем конвертируется в нормы на других площадках.

Проследим эту конвертацию на трёх примерах. Пример первый: в 2004 году Совет опубликовал доклад АСИА — первую в мире комплексную оценку воздействия изменения климата на Арктику, подготовленную за считанные годы до того, как климатическая повестка стала глобальным мейнстримом (АСИА, 2004). Пример второй: в 2009 году рабочая группа РАМЕ представила оценку арктического судоходства AMSA с семнадцатью рекомендациями — именно этот доклад лёг в основу Полярного кодекса, который Международная морская организация ввела с 2017 года как обязательный для всех судов в полярных водах планеты (AMSA, 2009; IMO Polar Code, 2017). Региональный форум без единого юриста в штате породил обязательную норму глобального морского права.

Пример третий — три юридически обязывающих соглашения, заключённые «под эгидой» Совета, но подписанные государствами напрямую: о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании (Нуук, 2011) — первый в истории панарктический юридически обязывающий договор, переговоры по которому, что сегодня звучит почти ностальгически, сопредседательствовали Россия и США; о готовности и реагировании на загрязнение нефтью (2013); об укреплении международного арктического научного сотрудничества (2017) (Арктический совет: соглашения). Схема во всех случаях одна: Совет создаёт доказательную базу и переговорную площадку, а юридическую форму результат обретает за его пределами.

Венцом «мирной эпохи» стал Стратегический план на 2021–2030 годы — первый за четверть века существования института, единогласно принятый на министерской сессии в Рейкьявике в мае 2021 года, где Сергей Лавров принял от исландского коллеги церемониальный молоток председателя (Стратегический план АС, 2021). В документе восемь государств согласовали общее видение Арктики на десятилетие вперёд. До паралича этого видения оставалось девять месяцев — ирония, которую не придумал бы ни один драматург.

Из логики «фабрики знания» следует вывод, который редко проговаривают: главной жертвой любого кризиса Совета становится не политика, а данные. Декларации можно отложить и подписать позже; прерванный тридцатилетний ряд наблюдений не восстановит уже никто. Именно поэтому центральный кейс главы — не министерская сессия, а рабочая группа.

Кейс: АМАР, термометр планеты

Программа арктического мониторинга и оценки — АМАР — старше самого Совета: она создана в 1991 году в рамках Рованиемской стратегии и была унаследована Советом при его учреждении. По сути это распределённая сеть: национальные системы наблюдений восьми стран, полярные станции, экспедиции, спутниковые данные и лаборатории, сведённые в единые базы и регулярные оценочные доклады.

Значение этой работы вышло далеко за пределы региона по двум направлениям. Первое — климат. Именно оценки АМАР закрепили в глобальной повестке факт, известный сегодня каждому: Арктика теплеет опережающими темпами. Доклад АМАР 2021 года оценил скорость потепления региона втрое выше среднемировой; год спустя группа финских и норвежских учёных на основе сопоставимых рядов данных уточнила: почти вчетверо быстрее (АМАР Arctic Climate Change Update, 2021; Rantanen et al., Communications Earth & Environment, 2022). Данные АМАР регулярно входят в доклады Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН — арктический мониторинг стал частью глобальной климатической математики.

Второе направление — загрязнители. Доклады АМАР о стойких органических загрязнителях и ртути, которые воздушными и морскими потоками переносятся в Арктику за тысячи километров и накапливаются в организмах животных и людей Севера, стали частью научного обоснования двух глобальных договоров — Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях (2001) и Минаматской конвенции по ртути (2013) (АМАР, официальные материалы). Схема «фабрики знания» здесь видна в чистом виде: региональный мониторинг порождает всемирную норму.

У кейса есть и российское измерение, обычно остающееся за кадром. На Россию приходится около половины арктического побережья планеты, и российские станции — незаменимая часть циркумполярной сети наблюдений. После 2022 года обмен данными между российскими и западными исследователями оказался в значительной степени разорван, и в западной научной печати началась дискуссия о том, насколько «ослепшие» без российского сегмента модели искажают картину арктического климата. Общепризнанных количественных оценок этого ущерба пока нет — да они и не так важны, как сам вывод, который напрашивается из этой истории: наука, тридцать лет считавшаяся в Арктике нейтральной территорией, на поверку оказалась уязвимее дипломатии. Мониторинг, задуманный как «неполитическая» тема, превратился в стратегический актив — и в разменную карту.

Айсберг после столкновения: клуб накануне юбилея

Подробный разбор кризиса 2022 года и адаптации Совета впереди, в седьмой главе. Здесь — только рамка, необходимая для понимания нынешнего состояния клуба. 3 марта 2022 года семь государств заявили о приостановке участия в мероприятиях Совета в связи с началом российской специальной военной операции; министерская работа остановилась (Википедия: Арктический совет; РИА Новости, 2025). Надводная часть айсберга замёрзла — и многие наблюдатели поспешили объявить о конце института.

Подводная часть, однако, повела себя иначе. Во второй половине 2024 года, в период норвежского председательства, впервые после паузы прошли заседания всех шести рабочих групп в формате видео-конференц-связи — с участием российских представителей, что официально подтвердила представитель МИД России Мария Захарова в январе 2025 года, охарактеризовав участие России как «частично возобновлённое» (GoArctic, 2025). 12 мая 2025 года председательство перешло от Норвегии к Королевству Дания (GoArctic, 2025).

Динамику последних полутора лет лучше всего передают два заявления российских дипломатов, разделённые девятью месяцами. Июль 2025 года, посол России в Копенгагене Владимир Барбин: намерений использовать председательство «для возобновления конструктивного диалога с Россией и полноформатного международного арктического сотрудничества... Копенгаген не имеет» (РИА Новости, 14.07.2025). Апрель 2026 года, директор департамента европейских проблем МИД России Владислав Масленников: датское председательство, как и предыдущее норвежское, «прикладывает усилия для дальнейшей “разморозки” Совета, ведёт плотный диалог по этому вопросу со всеми странами-членами, включая Россию» (Известия, 22.04.2026). Два официальных российских голоса — и почти противоположная тональность. Перед нами редкий случай, когда скорость геополитической «разморозки» можно измерить с точностью до месяцев: она идёт, и идёт снизу вверх — от рабочих групп к старшим должностным лицам, пока не дотягиваясь лишь до министерского этажа.

Именно поэтому тридцатилетний юбилей Совета в сентябре 2026 года — открытый финал. На 2027 год в гренландском Нууке уже анонсирован арктический саммит по биоразнообразию (Арктический совет, официальный сайт) — знак того, что институт планирует будущее. Но соберётся ли когда-нибудь вновь министерская «восьмёрка» в полном составе — вопрос, ответ на который будет дан не в Тромсё и не в Нууке, а в столицах.

Что изменилось: 2020 → 2026

В 2020–2021 годах Арктический совет находился на пике формы: единогласно принят первый в истории Стратегический план на десятилетие, Россия приняла председательство, эксперты называли Совет образцом того, как региональное сотрудничество переживает любые глобальные штормы. К 2026 году картина иная, и её главные черты таковы.

Во-первых, изменился сам способ существования института: из единой вертикали «министры — старшие должностные лица — рабочие группы» он превратился в двухэтажную конструкцию, где проектный этаж работает (в видеоформате и письменных процедурах), а политический заморожен — министерские сессии не проводятся с 2022 года, и передачи председательства в 2023 и 2025 годах прошли без них. Во-вторых, сменилась география лидерства: три председательства подряд — российское (2021–2023), норвежское (2023–2025) и датское (2025–2027) — пришлось на период кризиса, и каждое было вынуждено заниматься не повесткой развития, а удержанием института от распада. В-третьих, «неполитические» активы Совета — научные данные, мониторинговые сети, циркумполярные связи коренных народов — из фона превратились в предмет торга и главную статью потерь. Наконец, в-четвёртых: если в 2020 году вопрос звучал как «чем Совету заняться в следующее десятилетие», то в 2026-м — «в каком составе и формате он встретит своё тридцатипятилетие». Ответы на этот вопрос — сценарии, модели реформы, новые форматы — мы разберём в финальных главах книги.

Выводы

Арктический совет — продукт уникального исторического окна 1987–1996 годов, и три родовых решения (декларация вместо договора, консенсус вместо голосования, запрет военной тематики) объясняют и его тридцатилетнюю живучесть, и его паралич в кризис. Устроен он как айсберг: видимая министерская надстройка опирается на невидимую машину шести рабочих групп, где делается девять десятых реальной работы. За тридцать лет клуб не принял ни одного обязательного решения — и при этом изменил глобальное право и глобальную науку: Полярный кодекс, три панарктических договора, вклад в конвенции по загрязнителям и доклады ООН по климату выросли из его докладов. Совет — фабрика знания, а не права, и потому главная жертва его кризисов — непрерывность данных, а не тексты деклараций. Кризис 2022 года заморозил надводную часть айсберга, но подводная выжила и с 2024 года постепенно оттаивает — с участием России и со скоростью, которую можно измерить по смене тональности российских дипломатов за девять месяцев 2025–2026 годов. К своему тридцатилетию клуб избранных подходит целым, но двухэтажным — и то, каким он выйдет из этого состояния, определит арктический порядок на десятилетия.

Глава 3. Восьмёрка: у каждой страны свой интерес

Положите рядом две карты Арктики — образца 2021 и 2026 года. География не изменилась ни на километр: те же восемь государств, тот же океан посередине. Но политическая раскраска этих карт различается так, будто между ними не пять лет, а эпоха. На карте 2021 года военно-политическая принадлежность арктических стран пёстрая: пять членов НАТО, два нейтрала — Финляндия и Швеция — и Россия. На карте 2026 года цветов осталось два: семь государств «восьмёрки» состоят в Североатлантическом альянсе, восьмое — Россия — противостоит им в одиночку, контролируя при этом, по оценке американского разведсообщества, около половины всей арктической береговой линии (Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community, 2025; Независимая газета, 2025).

Весной 2025 года на Международном арктическом форуме в Мурманске Владимир Путин сформулировал российское прочтение этой карты без дипломатических смягчений: страны НАТО всё чаще рассматривают Арктику как плацдарм для будущего конфликта, и «мы не допустим посягательств на суверенитет нашей страны» (Независимая газета, 2025). Год спустя, в марте 2026-го, по другую сторону новой разделительной линии прошли крупнейшие за годы северные манёвры альянса: 25 тысяч военнослужащих из 14 стран отрабатывали в Норвегии, Швеции и Финляндии сценарий противостояния в Арктике (Настоящее время, 2026).

И всё же сводить арктическую восьмёрку к формуле «семь против одного» — значит упрощать до искажения. У каждой из восьми стран свой Север, свои страхи и свой расчёт, и они далеко не всегда совпадают даже внутри альянса: как мы увидим, в 2025 году жители канадского Севера считали главной угрозой своей Арктике вовсе не Россию. Эта глава — восемь портретов в интерьере одного океана.

Россия: половина Арктики и вся ставка

Для семи стран восьмёрки Арктика — важное направление среди прочих. Для России это конституирующая часть страны: около половины арктического побережья планеты, пятая часть национальной территории, основной район базирования морских стратегических ядерных сил и ресурсная база, которую официальные документы прямо называют опорой экономики будущего. Российские интересы зафиксированы в двух базовых документах — Основах государственной политики в Арктике до 2035 года (указ № 164 от 5 марта 2020 года) и Стратегии развития АЗРФ до 2035 года (указ № 645 от 26 октября 2020 года): суверенитет и территориальная целостность, сохранение Арктики как «территории мира», развитие региона как стратегической ресурсной базы, развитие Северного морского пути и повышение качества жизни северян (Основы госполитики РФ в Арктике, 2020; Arctic Russia, 2020).

Самое интересное в этих документах — не то, что в них написано, а то, как они менялись. 21 февраля 2023 года указом № 112 президент скорректировал «международный» раздел Основ, и сравнение двух редакций говорит о развороте российской политики больше, чем любые заявления. Редакция 2020 года: «укрепление добрососедских отношений с арктическими государствами на двусторонней основе и в рамках многосторонних региональных форматов сотрудничества, в том числе Арктического совета, прибрежной арктической “пятёрки” и Совета Баренцева/Евроарктического региона». Редакция 2023 года: «развитие отношений с иностранными государствами на двусторонней основе, в рамках соответствующих многосторонних структур и механизмов, наращивание с учётом национальных интересов Российской Федерации... сотрудничества» (Указ Президента РФ № 164 в ред. Указа № 112, 2023). Из текста исчезли и «добрососедские отношения», и «арктические государства» как привилегированный партнёр, и поимённое перечисление западноцентричных форматов. Формулировка «иные государства» открыла дверь тем, кого в 2020 году в арктических документах не было, — Китаю, Индии, всему контуру БРИКС. Этот тихий юридический манёвр, оставшийся почти незамеченным широкой публикой, — вероятно, самый точный маркер смены эпох в российской арктической политике.

Военное измерение российской ставки — Северный флот со штабом в Североморске, прикрывающий «бастион» стратегических подводных ракетноносцев в Баренцевом и соседних морях, и цепочка восстановленных и построенных заново полярных объектов, самый известный из которых — база «Арктический трилистник» на Земле Франца-Иосифа, самый северный капитальный военный объект в мире. Показательно, как этот же разворот выглядит из столиц оппонентов: новая арктическая внешняя политика Канады специально отмечает, что Россия «разворачивает свою историческую позицию, открывая свою Арктику Китаю», — с отсылкой к совместным российско-китайским военным учениям на российском Севере в июле 2024 года, совместным патрулям у Алеутских островов и перехватам российско-китайской авиации силами НОРАД у Аляски (Canada's Arctic Foreign Policy, 2024). То, что Москва называет диверсификацией партнёрств и «управляемой открытостью», Оттава и Вашингтон читают как главную стратегическую новость десятилетия. Обе трактовки описывают одно и то же событие — и в этом смысле обе верны.

США: сверхдержава в роли догоняющего

Американская Арктика — это Аляска, и десятилетиями Вашингтон относился к региону по остаточному принципу: сверхдержаве, чей флот контролирует мировой океан, ледяная окраина казалась второстепенным театром. Расплата за эту оптику стала любимым сюжетом самого Дональда Трампа: у России около сорока ледоколов, «а у нас один большой» — тяжёлый Polar Star 1976 года постройки, переживший расчётный срок службы примерно вдвое (Lenta.ru, 2025). Советник по нацбезопасности Майк Уолц формулировал ещё резче: Россия «пытается стать королём Арктики» с более чем 60 ледоколами, «у нас их два, и один только что загорелся» (РБК, 2025).

Ответ второй администрации Трампа — форсированная программа наверстывания: заявления о заказе 48 ледоколов, расширение арктического флота Береговой охраны, трёхсторонний ледокольный пакт ICE Pact с Финляндией и Канадой, унаследованный от предыдущей администрации и наполняемый контрактами (GoArctic, 2025). Военная рамка задана арктической стратегией Пентагона 2024 года, а разведывательная оценка 2025 года прямо характеризует Крайний Север как потенциально конфликтную зону с Россией (Независимая газета, 2025). Отдельная линия американской политики — Гренландия, ставшая при Трампе почти навязчивой идеей Вашингтона; этому сюжету посвящена следующая глава.

Но у американского портрета есть и вторая, менее заметная краска. Именно администрация Трампа сделала Арктику местом возобновления российско-американского диалога на высшем уровне: 15 августа 2025 года президенты России и США встретились на базе Эльмендорф-Ричардсон на Аляске, и арктическое сотрудничество фигурировало среди тем переговоров (GoArctic, 2025). Для Вашингтона Арктика — одновременно арена сдерживания России и редкое пространство, где с ней можно говорить о деле: от рыболовства в Беринговом море до потенциальных совместных проектов. Эта двойственность — не противоречие, а суть американской позиции.

Канада: суверенитет и неожиданный страх

Канадская Арктика — четверть всего региона, и канадская арктическая идея десятилетиями держится на одном слове: суверенитет. Прежде всего — над водами Канадского Арктического архипелага, включая Северо-Западный проход, который Оттава считает своими внутренними водами по историческому титулу, тогда как США и ряд других держав видят в нём международный пролив (Canada's Arctic Foreign Policy, 2024). 6 декабря 2024 года глава МИД Мелани Жоли представила новую арктическую внешнюю политику со словами: Арктика «больше не является регионом низкого напряжения» (Арктика Сегодня, 2024). Пакет мер впечатляет: до 12 подводных лодок, способных действовать подо льдом, восемь новых ледоколов, включая два полярных, консульства на Аляске и в Гренландии, должность арктического посла, которую займёт представитель коренных народов, модернизация НОРАД вместе с США (Canada's Arctic Foreign Policy, 2024; Арктика Сегодня, 2024). В июне 2025 года премьер Марк Карни присоединил Канаду к новому обязательству НАТО тратить на оборону и сопутствующую инфраструктуру 5% ВВП к 2035 году (Arctic Yearbook, 2025).

А теперь — то, чего не найти в официальных документах, но что, возможно, важнее их всех. В мае 2025 года опрос жителей канадского Севера дал результат, который ещё за год до того показался бы опечаткой: 37% назвали самой серьёзной угрозой канадской Арктике Соединённые Штаты, 35% — Россию, 17% — Китай (Arctic Yearbook, 2025). Союзник по НОРАД, сосед и гарант безопасности обошёл в рейтинге страхов главного официального противника. Причина — риторика Трампа о Канаде как «51-м штате» и о границе как «случайной черте на карте» (GoArctic, 2025). Для книги о балансах в Арктике это, пожалуй, самый выразительный факт пятилетия: блоковая дисциплина «семёрки» скрывает внутри себя трещину, проходящую не по линии Россия — Запад, а между двумя ближайшими союзниками. Канада ответила характерно: запуск диалога с североевропейскими странами (C-NSD, 2024), разговоры о сближении с европейскими оборонными инициативами — поиск страховки уже не только от Москвы (RAND, 2025).

Норвегия и Дания: на передовой и на распутье

Норвегия — единственная страна НАТО, имевшая арктическую сухопутную границу с Россией все годы холодной войны, и её политика отточена этим соседством до формулы «сдерживание плюс успокоение»: твёрдая опора на альянс при сознательном ограничении военной активности у российской границы. В 2020-е баланс сместился к первой части формулы: Норвегия принимает крупнейшие учения альянса и наращивает военную инфраструктуру, а госсекретарь минобороны Анне Мари Аанеруд констатирует: «Мы ожидаем соперничества великих держав в этом регионе» (Арктика Сегодня, 2024).

Самый чувствительный узел норвежско-российских отношений — Шпицберген. Договор 1920 года дал Норвегии суверенитет над архипелагом, но гарантировал участникам договора, включая Россию, равный доступ к хозяйственной деятельности и закрепил его исключительно мирное использование. Сто с лишним лет спустя каждая сторона обвиняет другую в размывании этого режима. Посол России в Осло Николай Корчунов в июне 2025 года заявил о попытках «втягивания архипелага в военные приготовления Норвегии и её союзников по НАТО» и о непрозрачности объектов двойного назначения на Шпицбергене (РИА Новости, 30.06.2025); российская сторона указывает и на препятствия для работы российских поселков и учёных (ОСН, 2026). Норвегия, в свою очередь, придерживается узкого толкования запрета на военное использование и обеспокоена активностью Москвы и Пекина — вплоть до блокирования в 2024 году продажи частного участка земли, который, как опасались в Осло, мог достаться китайским структурам (Арктика Сегодня, 2024). Столетний договор оказался под самым серьёзным давлением за свою историю — при этом формально его не нарушает никто; каждый лишь «уточняет толкование».

Дания — арктическая держава на особых основаниях: её пропуск в клуб — Гренландия и Фарерские острова. В 2025–2027 годах Копенгаген председательствует в Арктическом совете и, по оценке российского МИД, «прикладывает усилия для дальнейшей разморозки» института (Известия, 2026), — и одновременно отбивается от давления собственного главного союзника, претендующего на её арктическую территорию. Датский портрет немаловажен без гренландского сюжета, поэтому мы сознательно оставляем его почти целиком следующей главе. Здесь зафиксируем лишь парадокс положения: страна, которой предстоит склеивать расколотый Арктический совет, сама оказалась в центре самого острого внутризападного арктического конфликта.

Финляндия, Швеция, Исландия: конец «малых» игроков

В прежних обзорах Финляндию, Швецию и Исландию вежливо называли «малыми игроками» арктической восьмёрки: без выхода к Северному Ледовитому океану (у первых двух), без претензий на шельф, с повесткой из науки, экологии и устойчивого развития. Пятилетие 2021–2026 годов отправило эту классификацию в архив. Вступление Финляндии (2023) и Швеции (2024) в НАТО стало самым крупным изменением военно-политической географии Севера за десятилетия: альянс получил финскую границу с Россией протяжённостью около 1300 километров, шведскую военную промышленность и глубину территории для северного театра (Canada's Arctic Foreign Policy, 2024).

Финляндия при этом оказалась обладательницей актива, который неожиданно сделал её незаменимой для сверхдержавы: компетенции в ледоколостроении. Хельсинкская верфь спроектировала и построила около половины всех ледоколов мира, и именно вокруг финского опыта строится трёхсторонний ICE Pact США — Финляндия — Канада (GoArctic, 2025). Возникла почти ироничная конфигурация: Соединённые Штаты, чтобы догнать Россию в Арктике, встали в технологическую зависимость от страны с пятимиллионным населением. «Малая» страна продаёт великой державе то, чего у той нет, — и это делает её игроком совсем не малым. На финской территории теперь регулярно проходят американские арктические учения вроде Arctic Forge (РИА Новости, 2025).

Швеция конвертирует членство в альянсе в военное строительство: премьер Ульф Кристерссон анонсировал рост оборонных расходов до 3,5% ВВП к 2030 году, а арктическая бригада спецназа стала, по данным американской прессы, самым быстрорастущим подразделением шведской армии (Независимая газета, 2025). Исландия — страна без собственной армии — остаётся важной по старой геометрии: она сидит на Фареро-Исландском рубеже, ключевой линии контроля за выходом северных флотов в Атлантику, и её значение растёт ровно в той мере, в какой возвращается логика противостояния. Общий итог: категория «малых арктических государств» за пять лет фактически исчезла — теперь у каждого из восьми флагов есть военно-стратегическая функция.

Что изменилось: 2020 → 2026

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.